

Павел Бажов

Приказчиковы подошвы

Был в Полевой приказчик - Северьян Кондратьич. Ох, и лютой, ох и лютой! Такого, как заводы стоят, не бывало. Из собак собака. Зверь.

В заводском деле он, слышь-ко, вовсе не мараковал, а только мог человека бить. Из бар был, свои деревни имел, да всего решился. А все из-за лютости своей. Сколько-то человек до смерти забил, да еще которых из чужого владенья. Ну огласка и вышла, прикрыть никак невозможно. Суд да дело - Северьяна и присудили в Сибирь либо на здешние заводы. А Турчаниновым - владельцам - такого убойцу подавай. Сразу назначили Северьяна в Полевую.

- Сократи, сделай милость, тамошний народ. Ежели и убьешь кого, на суд тебя тут никто не потянет. Лишь бы народ потише стал, а то он вон что вытворять придумал.

А в Полевой перед этим старого-то приказчика на калену болванку посадили, да так, что он в одночасье помер. Драла, конечно, за приказчика-то. Только виноватого не нашли.

- Никто его не садил. Сам сел. Угорел, может, либо затменье на него нашло. Хватились поднять его с болванки, а уж весь зад до нутра испортило. Такая, видно, воля божья, чтоб ему с заду смерть принять.

По этому случаю владельцам заводским и понадобилось рыкало-зыкало, чтобы народ испужать. Вот и стал убойца Северьян нашим заводским приказчиком. Он, слышь-ко, смелый был, а все ж таки понимал - завод не деревня, больше опаски требует.

Народ, вишь, завсегда кучкой, место тесное, да еще у огня. Всякий с орудией какой-нибудь... Клещами двинуть может, молотком садануть, сгибнем либо полосой брякнуть, а то и плахой ахнуть. Очень даже просто. Могут и в валок либо в печь головой сунуть. Угорел-де, подошел близко, его и затянуло. Поджарили же того приказчика.

Северьян и набрал себе обережных. Откуда только выкопал! Один другого могутнее да отчаяннее. И все народишко - откатить последняя. Братцы-хватцы из шатальной волости. С этой оравой и ходил по заводу. Впереди сам идет. В руке плетка в два перста толщиной, с подвитым кончиком. В кармане пистолет, на четыре ствола заряженный. Пистончики надеты, только из кармана выдернуть. За Северьяном шайка идет. Кто с палкой, кто с саблей, а кто с пистолетом тоже. Чисто в поход какой срядился.

Первым делом уставщика спрашивает:

- Кто худо робит?

Тот уж знает, что ладно про всех сказать нельзя, сам под плетку попадешь - потаковщик-де. Вот и начинает уставщик вины выискивать. На ком по делу, на ком - понасердке, а на ком и вовсе зря. Лишь бы от себя плетку отвести. Наговорит так-то на людей, приказчик и примется лютовать. Сам, слышь-ко, бил. Хлебом его не корми, любил над человеком погалиться. Такой уж характер имел. Убойца, одним словом.

В Медну гору сперва все ж таки не опускался. Без привычки-то под землей страшно, хоть кому доведись. Главная причина - потемки, а свету не прибавишь. Хоть сам владелец спустился, ту же блендочку дадут. Разбери, горит она али так только вид дает. Ну, и мокреть тоже. И народ в горе вовсе потерянный. Такому что жить, что умирать - все едино. Безнадежный народ, самый для начальства беспокойный. И про то Северьян слышал, что у Медной горы своя Хозяйка есть. Не любит будто она, как под землей над человеком измываются. Вот Северьян и побаивался. Потом насмелился. Со всей своей шайкой в гору спустился. С той поры и пошло. Ровно еще злости в Северьяне прибавилось. Раньше руднишных драли завсегда наверху, а теперь нову моду придумали. Приказчик плетью и чем попало прямо в забое народ бьет. Да каждый день в гору повадился, а распорядок у него один - как бы побольше людям худа сделать. Который день много народу избыет, в тот и веселее. Расправит усы свои, да и хрипит руднишному смотрителю:

- Ну-ко, старый хрыч, приготовь к подъему. Пообедать пора, намахался.

С неделю он так-то хозяйевал в горе. Потом случай и вышел. Только сказал руднишному смотрителю - готовь к подъему, - вдруг голос, да так звонко, будто где-то совсем близко:

- Гляди, Северьянко, как бы подошвы деткам своим на помин не оставить!

Приказчик схватился:

- Кто сказал? - Повернулся на голос, да и повалился, чуть ноги не переломал. Они у него как прибитые стали. Едва от земли оторвал. А голос женский. Сумление тут приказчика и взяло, а все ж таки виду не оказывает. Будто ничего не слышал. Северьянова шайка тоже молчит, а видать - приуныла. Эти сразу сметали - сама погрозилась.

Вот ладно. Перестал приказчик в гору лазать. Вздохнули маленько руднишные, только ненадолго. Приказчику, вишь, стыдно; вдруг рабочие тот голос слышали да теперь и посмеиваются про себя: струсил-де Северьян. А это ему хуже ножа, как он завсегда похвалялся - никого не боюсь. Приходит он в прокатную, а там кричат:

- Эй, подошвы береги! - Это у них присловье такое. Упредить, значит, кто зазевался. А приказчик свое думает:

"Надо мной смеются". Шибко его тем словом укололо. Не стал и человека искать, который про подошвы кричал. Даже никого на тот раз не избил, а стал посередке прокатной, да и говорит своей-то ораве:

- Что-то мы давненько в горе не были. Надо там за порядком доглядеть.

Спустились в гору. И такая на приказчика злость накатила, как еще не бывало. Походя всех лупит. Все ему показать-то охота, что никого не боится. И вот опять тот же голос:

- Другой раз, Северьянко, тебя упряждаю. Пожалей своих малолетков. Подошвы им только оставишь!

Приказчик на голос повернулся и повалился, как и тот раз. Ноги от земли оторвать не может. Глядит, а они чуть не на вершок в породу вдавились, хоть каелкой отбивай.

Вырвал все ж таки, только сапоги спереду оскалились - подошвы отстали. Притих приказчик, а как наверх поднялись, опять осмелел. Спрашивает своих- то:

- Слыхали что? в шахте?

Те говорят:

- Слыхали.

- Видели - как ноги у меня прилипли?

- Видели, - отвечают.

- Как думаете - что это?

Ну, те мнутя, понятно, потом один выискался и говорит:

- Не иначе, это Медной горы Хозяйка тебе знак подает. Грозится вроде, а чем - непонятно.

- Так вот, - говорит Северьян, - слушайте, что я скажу. Завтра, как свет, в гору приготовьтесь. Я им покажу, как меня пужать да бабенку в горе прятать. Все штольни-забои облазаю, а бабенку ту поймаю и вот этой плеткой с пяти раз дух из нее вышибу. Слышали?

И дома перед женой этак же похваляется. Та, женским делом, в слезы.

- Ох да ах, поберегся бы ты, Северьянушко! Хоть бы попа позвал, чтоб он тебя оградил.

И верно, попа позвали. Тот попел, почитал, образок Северьяну на шею повесил, пистолет водичкой покропил, да и говорит:

- Не беспокойся, Северьян Кондратьич, а в случае чего - читай "Да воскреснет бог".

На другой день на свету вся приказчикова шайка к спуску явилась. Помучнели все, один приказчик гоголем похаживает. Грудь выставил, плечи поднял, и глядят -сапоги на нем новешенькие, как зеркало блестят. А Северьян плеткой по сапожкам похлопывает и говорит:

- Еще раз оборву подошвы, так покажу руднишному зрителю, как грязь разводиться. Не погляжу, что он двадцать лет в горе служит, спущу и ему шкуру. А вы первым делом старайтесь бабенку эту углядеть. Кто ее поймает, тому пятьдесят рублей награда. Спустились, значит, в гору и давай везде шнырять. Приказчик, как обыкновенно, впереди, а орава за ним. Ну, в штольнях-то узко, они цепочкой и растянулись, один за другим. Вдруг приказчик видит - впереди кто-то маячит. Так себе легонько идет, блендочкой помахивает. На повороте видно стало, что женщина. Приказчик заорал - стой! - а она будто и не слышала. Приказчик за ней бегом, а его верные слуги не шибко торопятся. Дрожь на их нашла. Потому видят - неладно дело: сама это. А назад податься тоже не смеют - Северьян до смерти забудет. Приказчик все вперед бежит, а догнать не может. Лается, конечно, всяко, грозится, а она и не оглянется. Народу в той штольне ни души. Вдруг женщина повернулась, и сразу светло стало. Видит приказчик - перед ним девица красоты неописанной, а брови у ней сошлись и глаза, как уголья.

- Ну, - говорит, - давай разочтемся, убойца! Я тебя предупреждала: перестань, - а ты что? Похвалялся меня плеткой с пяти раз забить? Теперь что скажешь?

А Северьян вгорячах кричит:

- Хуже сделаю. Эй, Ванька, Ефимка, хватай девку, волоки отсюда, стерву!

Это он своим-то слугам. Думает, тут они, близко, а сам чует - ноги у него опять к земле прилипли. Уж не своим голосом закричал:

- Эй, сюда! - А девица ему и говорит:

- Ты глотку-то не надрывай. Твоим слугам тут ходу нет. Их и в живых сейчас многих не будет. И легонько этак рукой помахала. Как обвал сзади послышался, и воздухом рвануло. Оглянулся приказчик, а за ним стена - ровно никакой штольни и не было.

- Теперь что скажешь? - спрашивает опять Хозяйка. А приказчик, - он шибко ожесточенный был, да и попом обнадеженный, - выхватил свой пистолет:

- Вот что скажу! - И хлоп из одного ствола... в Хозяйку-то!

Та пульку рукой поймала, в коленку приказчику бросила и тихонько молвила:

- До этого места нет его. - Как приказ отдала. И сейчас же приказчик по самое коленку зеленью оброс. Ну, тут он, понятно, завыл:

- Матушка-голубушка, прости, сделай милость. Внукам-правнукам закажу. От места откажусь. Отпусти душу на покаянье!

А сам ревет, слезами уливается. Хозяйка даже плюнула.

- Эх ты, - говорит, - погань, пустая порода! И умереть не умеешь. Смотреть на тебя - с души воротит.

Повела рукой, и приказчик по самую маковку зеленью зарос. Как глыба большая на его месте стала. Хозяйка подошла, чуть задела рукой, глыба и свалилась, а Хозяйка как растаяла.

А в горе переполох. Ну, как же - штольня обвалилась, а туда приказчик со всей свитой ушел. Не шутка дело. Народ согнали. Откапывать стали. Наверху суматоха тоже поднялась. Барину в Сысерть нарочного послали. Горное начальство из города на другой день прикатило. Дня через два отрыли приказчиковых-то слуг. И вот диво! Которые хуже-то всех были, те все мертвые, а кои хоть маленько стыд имели, те только изувечены.

Всех нашли, только приказчика нету. Потом уж докопались до какого-то неведомого забоя. Глядят, а на середине глыба малахиту отворочена лежит. Стали оглядывать ее и видят - с одного-то конца она шлифована.

"Что, - думают, - за чудо. Кому тут малахит шлифовать?" Стали хорошенько разглядывать, да и увидели - посредине шлифованного места две подошвы сапожные. Новехоньки подошешки-

то. Все гвоздики на них видно. В три ряда. Довели об этом до барина, а тот уже старик тогда был, в шахту давно не спускался, а поглядеть охота. Велел вытаскивать глыбу, как есть. Сколько тут битвы было! Подняли все ж таки. Старый барин, как увидел подошвы, так в слезы ударился: - Вот какой у меня верный слуга был! - Потом и говорит: - Надо это тело из камня вызволить и с честью похоронить.

Послали сейчас же на Мрамор за самым хорошим камнерезом. А там тогда Костоусов на славе был. Привезли его. Барин и спрашивает:

- Можешь ты тело из камня вызволить и чтоб тела не испортить?

Мастер оглядел глыбу и говорит:

- А кому обой будет?

- Это, - говорит барин, - уж в твою пользу, и за работу заплачу, не поскуплюсь.

- Что ж, - говорит, - постараться можно. Главное дело - материал шибко хороший. Редко такой и увидишь. Одно горе - дело наше мешкотно. Если сразу до тела обивать, дух, я думаю, смрадный пойдет. Сперва, видно, надо оболванить, а это малахиту потеря.

Барин даже огневался на эти слова.

- Не о малахите, - говорит, - думай, а как тело моего верного слуги без пороку добыть.

- Это, - отвечает мастер, - кому как.

Он, вишь, вольный, Костоусов-то, был. Ну, и разговор у него такой. Стал Костоусов мертвяка добывать. Оболванил сперва, малахит домой увез. Потому стал до тела добираться. И ведь что? Где тело либо одежда были, там все пустая порода, а кругом малахит первосортный.

Барин все ж таки эту пустую породу велел похоронить как человека. А мастер Костоусов жалел:

- Кабы знатье, - говорит, - так надо бы глыбу сразу на распил пустить. Сколько добра сгибло из-за приказчика, а от него, вишь, что осталось! Одни подошвы.